# Зов души / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 21 января, 2025
Зов души / рассказ ЗОВ ДУШИ

*Светлой памяти моей бабушки Огульгельды Оде посвящаю*

Огульгерек-эдже вернулась домой совсем разбитой: колени дрожали, на лбу выступила обильная испарина, которая, казалось, высосала последние силы. Об одном мечтала она: поскорей опустить голову на подушку и отдохнуть. Но ее возвращение, как всегда, вызвало в доме переполох.
— Ах, мама, не надо было вам ездить. Теперь сколько в себя приходить будете? — выговаривала своей восьмиде¬сятилетней свекрови тетушка Гуллер, сама уже женщина немолодая. Она приложила ладонь к морщинистому лбу Огульгерек-эдже и вздохнула: — Вот видите, уже темпе¬ратурите.
— Пока в мотоциклетке Джомарткулы-джана сидела, все нутро мне растрясло. Он, бедняга, так осторожно ехал, да это, видно, у меня уже душа еле-еле в теле держится.
— Все упрямитесь, мама! И в прошлый раз целую неделю болели. Зачем себя мучаете, спрашивается? Это надо — на мотоцикле! Сын же вам сказал, что сам отвезет…
— Разве у него получится… — жалко улыбнулась Огульгерек-эдже. Она помолчала, без выражения глядя на невестку, потом попросила: — Невестушка, если не трудно, свари мне, дорогая, унаш. Что-то лапши захотелось. Может прибавит мне сил.
Тетушка Гуллер молча кивнула и отправилась на кухню. А ее место рядом с Огульгерек-эдже тотчас же занял шестилетний правнук Вепа.
— Бабушка, что с тобой? — шепотом спросил он, испуганно тараща глаза.
— Не знаю, ягненочек. — Старуха прикрыла своей ладонью пухлую детскую руку. — Нездоровится что-то…
— Надо дядю Джуму позвать. Пусть укол сделает.
— Не надо. Боюсь я его уколов, — улыбнулась Огульгерек-эдже.

— И я боюсь. Но после укола болезнь пройдет, — серьезно, как взрослый, сказал Вепа. А потом попросил: — Ты, бабушка, больше никуда не уезжай.
— Хорошо, ягненочек! — пообещала Огульгерек-эдже.
Спустя полчаса вернулся Довлетберды и чуть ли не с порога стал выговаривать:
— Мама, зачем же вы поехали. Что вам ни говорят, вы все упрямитесь, все наоборот делаете. Может мы вас чем обидели? Ну, чего тебе хочется. Скажи, тотчас исполним. Найдем все, чего душа пожелает.
— Спасибо, сынок. Ничего мне не надо.
— Ну и сиди тогда дома. Нет, мы тебе ездить не запрещаем, но ведь после этих поездок сама мучаешься. Вот что плохо. Другое дело, если б тебе дома поговорить было не с кем. Но ведь у нас, слава богу, народу полно. Невестка твоя, дай ей волю, с утра до ночи проговорит. Вам уже третья собеседница и не потребуется. А внуки, правнуки. Сиди, смотри телевизор, радио слушай.
Старуха молчала. Конечно, при желании она нашла бы, что возразить сыну. Но сейчас ей больше всего хотелось, что бы, уставший после работы Довлетберды, спокойно поужинал и отдохнул, а на нее обращал как можно меньше внимания.
— Я скоро встану, сынок, — наконец шепотом сказала Огульгерек-эдже. — Ты иди, ужинай. Со мной Вепа-джан посидит. — А когда сын вышел из комнаты, спросила: — Вепа-джан, бабушка Акнур дома? — Правнук кивнул. — Позови ее, ягненочек!
Вепа убежал. С кухни доносился запах свежего теста и перца. Во дворе затарахтел мотоцикл. «Видно, Довлетберды решил поехать за Джумой,» подумала Огульгерек-эдже. Потом ей вспомнилось, что и сын, и невестка, оба, упрекали ее одними словами. Она улыбнулась, но улыбка на ее губах продержалась недолго. «Какое же это упрямство?», — прошептала она. Да и в самом деле, сколько человек может в четырех стенах высидеть? Было бы еще с кем по душам поговорить, но…
В последнее время Огульгерек все чаще ощущала себя одинокой. Дом был полон народу, все любили ее, заботились о ней, но не хватало общения со сверстниками, которые только и могут понять

тебя по-настоящему. С невестками разве поговоришь от души; они люди другого времени и разговоры у них не те, о каких истосковалась Огульгерек-эдже.

Огульгерек-эдже прожила жизнь долгую и нелегкую. Родители выдали ее замуж, когда ей не было еще пятнадцати. Не жалея сил трудилась она в чужом доме, лишь бы не услышать упреков. Сперва у нее родились сыновья: Аллаберды и Довлетберды. Третьей была дочь Огульбагт. Четвертого его сына назвали Ходжаберды. Забота о детях и тяжелая работа на колхозном поле отнимали все силы. Дети росли. В год, когда собирались сыграть свадьбу Аллаберды, началась война. Ушел на фронт ее муж Беркели. Через год, в один день, ушли вслед за отцом сыновья — Аллаберды и Довлетберды.

Из последних сил билась Огульгерек, чтоб малолетние Огульбагт и Ходжаберды не знали нужды. Вставала до зари, ложилась заполночь, трудилась не жалея себя, только бы заменить мужа и ушедших на войну сыновей. Дни бежали, сменяя один другой, но не было среди них счастливых. Даже когда колхоз вручал ей грамоты или подарки — они мало радовали ее. Ночами она мечтала, чтобы поскорее возвратилось светлое мирное время. А иногда по ночам она плакала, но не от тяжелой жизни, а горюя о Беркели. А еще порою плакала она, гордясь своими детьми, радуясь, что растут они разумными, послушными и нет ни у кого повода попрекнуть их безотцовщиной.

Кончилась война, вернулся Довлетберды, а Беркели и Аллаберды навсегда остались в чужой земле.

Черные дни остались в прошлом, настало время, о котором так часто мечтала Огульгерек. Она женила сыновей, выдала замуж дочь. Пошли внуки. Она благодарила судьбу за то, что удалось ей услышать их беззаботный лепет. Верно сказано: «Дети — молоко, внуки — сливки». Может из-за их вечной занятости, но дети были не такими душевными, как внуки, — так казалось Огульгерек. Посчастливилось ей увидеть и правнуков почти всех своих внуков и внучек. Только у Язгуль пока не было детей.

Язгуль, дочь Ходжаберды, была ее любимицей. Она росла болезненной, и поэтому чаще других бывала с бабушкой.

Переживая, тревожась за нее, Огульгерек всякий раз говорила себе: «Единственное мое желание, увидеть, как она выйдет замуж».
Это желание исполнилось. Язгуль выросла красивой девушкой, и вышла замуж за любимого парня. В день их свадьбы счастью Огульгерек не было предела. Она хлопотала, точно молодая, готовя угощение и обслуживая гостей. А про себя шептала: «Эх, если бы Беркели увидел этот день!»
Жизнь устроена так, что, пока жив человек, нет предела и его желаниям. Теперь Огульгерек больше всего на свете мечтала дожить до дня, когда Язгуль станет матерью. Но прошло уже два года, как Язгуль замужем, а детей у нее все нет. И с каждым днем все сильней становилась ее тревога за внучку. Видно, на небесах услышали ее мольбы, и несколько месяцев назад Огульгерек всю свою пенсию стала откладывать на подарок тому, что принесет ей долгожданную весть о рождении самого желанного правнука. Однако тревожилась она о Язгуль теперь еще больше прежнего. Каждое утро кто-нибудь из внуков шел к Язгуль, чтобы узнать, как она спала, как себя чувствует. А при всяком удобном случае Огульгерек сама отправлялась к внучке, чтобы увидеть свою любимицу и немного помочь ей по хозяйству.
С веранды донеслись голоса.
— Что, опять она расхворалась? — Огульгерек узнала голос Акнур-эдже.
— Да, нездоровится что-то, — ответила ей тетушка Гуллер. — Проходите, она в дальней комнате. Я сейчас тоже приду.
Через некоторое время в комнату, где отдыхала Огульгерек, вошла Акнур-эдже и чуть ли не с порога стала отчитывать:
— Зачем тебе надо было ездить? Знаешь же, что расхвораешься. Только себя мучаешь. И домашним беспокойство…
— И ты так говоришь, — огорчилась Огульгерек-эдже. Немного помолчала, а потом, улыбнувшись, сказала: — У замужних свои заботы. На земле хоть потоп, а им все по колено.
— Поздно в твои годы о муже думать!
Лицо Огульгерек-эдже помрачнело, не ожидала она такого ответа на свою шутку.
— Я вчера заходила, сказали, что ты к Огульнар поехала. Чего

это?
— Проведать решила. Когда она свадьбу играла, не смогла поехать. А тут она сына прислала, Джомарткулы. Правнук на днях родился. Обрадовалась, когда я приехала. Всю ночь проболтали.
— Ну, как, все живы-здоровы?
— Все хорошо. — Огульгерек приподнялась, точно намеревалась сообщить что-то особенно важное. — Знаешь, иной раз в жизни такое случается, что до самой смерти не забудешь.Огулнар еще незамужем была, когда мы с ней на одной делянке работали. Я кетменем ногу поранила, так она две недели за двоих трудилась и половину трудодней на меня записала. Бригадир ей говорил, чтоб все на себя записала, но она отказалась. А сама-то, как тростиночка была. За те две недели так похудела, что не понять, в чем душа держится. Никогда я ее доброты не забуду. А потом вышла замуж в соседнее село, и почти позабыли друг друга…

…Обычно после очередной своей поездки Огульгерек-эдже хворала не больше двух-трех дней, на этот раз минула уже неделя, а ей все не становилось легче. Правда, ехать в больницу отказалась наотрез. Она лежала в своей комнате, и была окружена всеобщим вниманием. Всем хотелось как-то услужить ей, порадовать ее. Приезжали даже издалека, чтобы проведать ее. И Огульгерек-эдже подолгу беседовала со своими гостями. Особенно она радовалась, когда приходил навестить ее кто-нибудь из ее сверстниц. Когда же ненадолго оставалась одна, сразу становилось тоскливо. Удивлялась, как она могла думать, что человеку, если он сыт и одет, больше и мечтать не о чем. В мыслях говорила с Беркели, улыбалась — ей казалось, что она слышит голос мужа. «Огульгерек, я доволен тобой, — говорил Беркели. — Все я отсюда видел — большое ты дело сделала, не всякому мужчине такое по плечу! Недаром ты мучалась: теперь наш дом — настоящий дом! Жаль, что не сумел тебе помочь, что пришлось тебе и мою ношу нести, чтоб дети сиротства не почувствовали. Спасибо тебе, Огульгерек». Эти слова ободряли Огульгерек-эдже, но головная боль все равно не проходила, а усилившаяся с каждым днем слабость не на шутку тревожила ее.

«Я тысячу раз довольна своей жизнью, – думала она. – В любой миг без сожаления уйду в мир иной. Но как хорошо было бы увидеть напоследок мою Язгуль. Ей сейчас тяжко ко мне ехать, а иначе давно бы примчалась к своей любимой бабке. О, Аллах, нет у меня больше желания, чем дождаться как Язгуль станет матерью!..»

Огульгерек-эдже смежила на миг веки, и вдруг привиделась ей Язгуль.

Внучка бежала к ней и кричала: «Бабушка!.. бабушка!..»

Огульгерек-эдже тотчас проснулась, но в комнате никого не было.

Однако предчувствие все же не обмануло старуху. На следующий день, рано утром, маленький мальчик, братишка мужа Язгуль, принес известие, которое тотчас заставило Огульгерек-эдже забыть о болезни.

– Бабушка Огульгерек, бабушка Огульгерек, – мальчик от волнения немного заикался. – Добрая весть!.. Бушлук!

– Что такое, ягненочек мой?

– Прошлой ночью у гельнедже родился сын.

Огульгерек с неожиданной легкостью встала на ноги, и дрожа от волнения, взяла мальчика за плечи.

– Что ты сказал, ягненок мой. Повтори-ка!

– Прошлой ночью у Язгуль-гелнедже родился сын. Гелнедже хочет назвать его Беркели в честь дедушки.

– Ах, как сладко звучат твои слова, душа моя. Как я рада, твоему известию. – Огульгерек крепко обняла мальчика.

– Гелнедже сказала, чтобы я спросил о вашем здоровье. А еще просила, чтобы вы не беспокоились и не приезжали к ней.

– О каком беспокойстве ты говоришь? Как это – не приезжать. Ступай, скажи ей, что я здорова. Обо мне она заботится! Пусть не обо мне тревожится, а себе и сыночке, быть мне жертвой за маленького Беркели! Как же пришло ей на ум назвать сына именем покойного Беркели?! Гуллер, Гуллер, слышите? Где ты, невестка? Язгуль-джан родила сына. Беркели его назвала…

– Бабушка Огульгерек…

– Что, ягненок мой?

– Язгуль-гелнедже говорит, что когда родится у нее дочка, она

назовет ее вашим именем.
— Правда?! Ах, моя умница… — В глазах у Огульгерек-эдже заблестели слезы. Она торопливо достала узелок с деньгами, припасенными специально для это счастливого дня, и протянула мальчику пачку денег.
— Вот, ягненочек мой, возьми и купи себе все, чего твоя душа пожелает. Это тебе за добрую весть.
Проводив мальчика, Огульгерек поспешила к сыну, который уже собирался на работу.
— Довлетберды-джан, слышишь, Язгуль родила сына. И назвали его именем твоего покойного отца.
— Нашлась-таки причина, — Довлетберды недовольно нахмурился, глядя на мать.
Но Огульгерек-эдже точно не слышала его слов.
— Поскорей поедем, сынок.
— Мама, да вы же еще больны.
— Не сочти за труд, сынок, отвези. — Огульгерек-эдже с мольбой смотрела на сына. — Пока не увижу правнука, покоя мне не будет. Прошу тебя, отвези.
— Нет, мама, нет.
— Я тебя минуты лишней не задержу. Только взгляну.
— Мама, вы же знаете, что Язгуль пока из роддома не выпустят. Через несколько дней…
— Ничего, пусть мне Беркели-джана в окошко покажут. Ведь сколько я этого дня ждала. Единственное желание в жизни осталось!..
— Ей богу, мама, — начал отступать Довлетберды-ага, — полежи еще пару денечков, а потом вместе поедем.
— Ладно, сынок, если у тебя сейчас нет времени, не стану тебя задерживать. Мне на работу не спешить. Дойду тихонечко пешком, до роддома ведь недалеко. А может Ходжаберды подвезет? У него ведь машина, спроси его, Довлетберды.
Довлетберды-ага, видя, что мать ни за что не уступит, пошел к младшему брату.
Когда Огульгерек-эдже уже собиралась сесть в машину, прибежал Вепа.
— Бабуля!.. — Он вцепился Огулгерек в руку и стал тянуть ее к

себе, чтобы она не села в «Москвич». — Снова ты уезжаешь! Опять дядя Джума тебе уколы делать будет. Не езжай, ты ведь мне обещала.
— Ах, ты, ягненочек мой, радость моей души. Ты разве не слышал, что у нашей Язгуль сын родился. Вот взгляну на него и приеду. А потом никуда больше ездить не буду. Всегда будем с тобой вместе. Согласен?
Мальчик кивнул, хотя толком не понял что к чему.
Огульгерек-эдже вместе с тетушкой Гуллер поехали в роддом. Довлетберды, держа за руку Вепу, стоял у ворот и смотрел вслед машине, пока «Москвич» не скрылся из виду. Он был недоволен.
Но Огульгерек-эдже не обманула ни сына, ни правнука: эта поездка и в самом деле оказалась для нее последней.

Осман Оде Hekaýalar